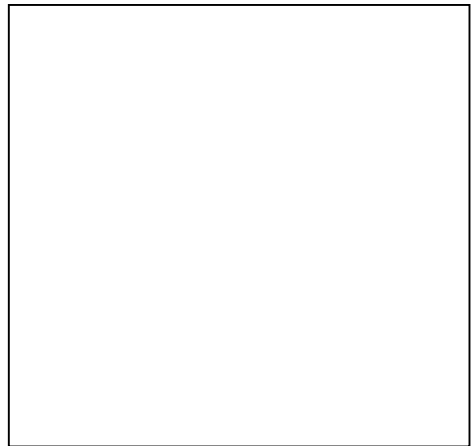

Исследование рынка факторов и структуры сельского хозяйства в России

Б. Гарднер

Доклады на этой конференции и исследования, которые последуют за этим имеют дело с рынками средств производства. Это ограничение помогает получить набор унифицированных и реализуемых исследовательских тем, которые, тем не менее, сфокусированы на наиболее важных проблемах и возможностях российского сельского хозяйства. Идея заключается в том, чтобы в каждой сфере собрать наиболее важные и доступные сведения, проанализировать существующую литературу и практику с точки зрения высказанных выше гипотез, а также оценить возможные изменения политики для совершенствования рынков средств производства и для открытия возможностей рационального использования ресурсов и инвестиций в сельском хозяйстве. Более конкретно на конференции будут обсуждаться следующие вопросы по каждой теме:

1. Оценка текущего уровня знаний и обзор соответствующей литературы по теме. При этом российские участники отражают российские источники, а американские, там, где это возможно – нероссийские источники, относящиеся к теме.
2. Оценка данных и источников информации по теме, включая надежность, доступность и уровень агрегации данных. Если соответствующие данные ненадежны или недоступны, то что можно сделать, чтобы получить информацию для получения надежных результатов по теме?
3. Проанализировать, насколько это возможно, причины сложившегося положения. Каковы существующие ограничения для роста сельскохозяйственной продукции, продуктивности и доходов сельского населения? В чем причины этих ограничений: политика, отсутствие соответствующих институтов, историческое наследие или что-то другое? Каковы гипотезы нужно проверить в ходе последующего исследования?
4. Выявить и обсудить детали исследовательской стратегии по теме. Как могут быть разрешены нерешенные проблемы? Обозначить специальный план исследований, включая, например, сбор на областном уровне данных, которые позволили бы проверить гипотезы статистическим анализом. В таком случае, какие регионы нужно выбрать? Какая информация должна быть получена в обследованиях?
5. Обсудить политические рекомендации, вытекающие из гипотез или из существующей литературы по теме.

Например, методы, разработанные Экономической исследовательской службой МСХ США (ЭИС), предполагают следующий подход. Используя модели спроса и предложения факторов производства, широко применяемые в литературе, можно проверить, коррелированы ли изменения в численности занятых в сельском хозяйстве региона с разницей в заработной плате между аграрным и неаграрным сектором. Ключевая эмпирическая проблема заключается в измерении заработной платы сельхозработников, которая может включать денежные платежи, натуральные выплаты и социальные услуги работникам коллективных хозяйств (здравоохранение, образование, жилье, развлечения). Реальная заработная плата может быть сопоставлена со стоимостью предельного продукта одного работника, которая сама должна быть оценена на основе дезагрегированных данных о ресурсах, продукции и ценах. Можно определить,

насколько сильно разрыв между заработной платой и стоимостью предельного продукта труда объясняет нерентабельность коллективных хозяйств и измеряет эффективность и другие показатели функционирования хозяйств. Работа, проделанная ЭИС по оценке сельскохозяйственной производственной функции по регионам была бы полезна для этого исследования, так как производственная функция позволяет оценить предельный продукт труда (Седик et al, 1999).

Делая заключения из опубликованных данных и из данных, что будут собраны, было бы полезно различать два типа экономического анализа. Первый сфокусирован на физических объемах, второй – на стоимостях или ценах. На основе физических величин можно оценить пропорции ресурсов (например, работников на акр), продукции на ресурс (средний продукт) или производственную функцию (предельный продукт). На основе только цен можно оценить относительную стоимость ресурсов и продукции, как, например, в работе Серовой, Карловой и Петриченко (2001), в Таблица 1 показаны ценовые соотношения для США и России. Ценовые пропорции могут показать, как работают рынки и политика, так, например, более высокие относительные цены «средства производства./продукция» в России, чем в США свидетельствуют о более жестких условиях для российских производителей.

Более полезные показатели можно получить, используя смешанные ценовые и количественные данные. Даже для самих количественных сопоставлений, для того, чтобы агрегировать выпуск или ресурсы, измерить отраслевой выпуск, агрегированные ресурсы или мультиресурсную продуктивность (единственная мера продуктивности, имеющая смысл для измерения эффективности), нам требуется способ взвешивания агрегированного выпуска и ресурсов, а разумным способом сделать это является использование базисных цен или стоимости выпуска и ресурсов. Для оценки прибыли или дохода на факторы производства (собственную землю или труд, главным образом) нам нужно использовать количественные или ценовые данные одного периода, текущие цены, помноженные на текущие количества, при этом любые проблемы с информацией становится трудно проследить и оценить. Аналогично, применяя критерий эффективности использования ресурса – стоимость предельного продукта фактора должна быть равна цене этого фактора – мы умножаем физический предельный продукт (количественные данные) на цену продукта.

Проблема аналитических выводов из таких данных заключается в том, что даже при кажущейся простоте манипуляций с данными необходимо предположить, что существует конкурентное равновесие и/или производители максимизируют прибыль. Эти предположения могут быть и не верными. В знаменитой работе, объясняющей рост продуктивности в сельском хозяйстве в США, Грилишес (1963) исследовал измеряемые технологические изменения в период их наиболее сильного ускорения – 1940-1960 гг. и показал, что экономические предпосылки очень важны для оценки мультифакторной продуктивности. Он оценил, что труд добавляет меньше к стоимости выпуска, чем рыночная стоимость (измеренная заработной платой) примененного труда. Это означает, что фермеры в целом не максимизировали прибыль – их чистый доход вырос бы, если бы они привлекали меньше труда или часть своего семейного труда посвятили бы неаграрной занятости, которая приносит ту же зарплату, что и заработная плата на ферме. Более того, он обнаружил, что дополнительный продукт, полученный благодаря инвестициям, превосходит стоимость этих инвестиций. Обоими этими находками он подтвердил наблюдения Т.У. Шульца (1947), что в применении труда и капитала на фермах существовало неравновесие в том смысле, что слишком много труда и слишком мало капитала в происходящих технологических изменениях.

Грилишес использовал в своих расчетах веса 0,33 для труда и 0,26 для энергии и сельхозтехники для агрегированных ресурсов, а Минсельхоз США для взвешенного по ценам показателя использовал 0,40 и 0,14 соответственно (Грилишес, 1963, стр.336). Так как сельскохозяйственная занятость быстро сокращалась в 1940-1960 гг. в то время как капитал возрастал (это то, что и предсказывал аргумент неравновесия), разница в весах

создавала разницу в измеряемом росте агрегированных ресурсов. Грилишес оценил, что агрегированные ресурсы в сельском хозяйстве за 20-летний период выросли на 14%, тогда как оценка Минсельхоза США – только на 5%. Более того, он обнаружил существенную экономию на масштабе: он оценил, что рост всех ресурсов на 10% дает рост выпуска на 13,6%. Это также показатель неравновесия: можно было бы ожидать, что рост размера ферм будет продолжаться до тех пор, пока такая экономия на масштабе не исчезнет.

Оценки Грилишеса говорят о том, что неравновесие и экономия на масштабе дают 1,5% из 2% годового роста продуктивности, зарегистрированного статистикой Минсельхоза за 1994-1960 гг. Это говорит не о том, что оценка Минсельхоза неверна, но только что измерения МФП (мультифакторной продуктивности – *пер.*) чувствительны к экономическим предпосылкам, а также в качестве статистики, а то, что было измерено – не есть только изменения в технологиях.

Специальные темы

Объекты исследования включают:

1. Покупные ресурсы (сельхозтехника, энергия, удобрения и химические средства, семена)
2. Земля: рынки и ограничения
3. Кредит: финансы и инвестиции в сельском хозяйстве
4. Труд: рынки, качество и несельскохозяйственные возможности
5. Личное подсобное хозяйство
6. Вертикальная интеграция, контрактация и связанные с этим инновации

После рассмотрения фактов и анализа каждой из этих сфер мы надеемся, что сможем сделать полный, базирующийся на данных анализ и оценку общих гипотез, перечисленных выше. Более важно с практической точки зрения будет, если мы сможем предложить специальные политические меры и государственные инвестиции, которые позволят российскому сельскому хозяйству использовать его огромный потенциал для роста и процветания.

Во всех трех сферах – изучение, анализ и интерпретация – возникают сложные вопросы. Сбор фактов о существующем положении дел будет, по-видимому, наиболее простой частью нашей повестки. Наибольшая часть каждого из докладов посвящена статистике и другой фактической информации. Первая реакция на эти данные благоприятна: теперь мы можем видеть и количественно оценивать, что происходит. Вторая реакция вопрошающая: является ли эта информация корректной и репрезентативной? Узун отмечает, что два источника, оба Госкомстата, определяют производство ЛПХ как 15,4 млрд. руб. в одном случае и как 4,7 млрд. руб. - в другом (Таблица 8). Узун также отмечает сложность определения действительной площади, используемой ЛПХ для производства, включая кормовые угодья и пастбища. Также можно спросить и о точности оценок, представленных в докладе Киселева о занятости в подсобном производстве 2,6 млн. человек в 1990 г. Данные о продуктивности и других производных экономических концепциях поднимают вопросов определения, так же как и точности. Также ясно, что процессы и институты, описанные в докладе Рылько, не отражены в агрегированном виде в данных Госкомстата, и он пишет, что «российская сельскохозяйственная статистика должна быть изменена, чтобы отразить новые типы ведения хозяйства» (Рылько, раздел «Дальнейшие исследовательские приоритеты»).

Тогда вопрос в том, как мы можем использовать уже существующую статистику?

Анализ причин наблюдаемых явлений и трендов привносит дополнительные трудности. Узун отмечает, что сельскохозяйственные предприятия – бывшие колхозы – склонны к убыточности. Более того, российское сельское хозяйство с 1990 г. демонстрирует сокращение выпуска на одного занятого и на один гектар (Серова, Карлова, Петриченко, Таблица 2). Вместе с обсуждением в работе Узун эти факты указывают на гипотезу (б) выше, что российское сельское хозяйство страдает от незавершенности реформ, которые должны бы перераспределить землю и другие ресурсы от неэффективных предприятий.

Но если (б) верна, мы должны бы видеть процветающие индивидуальные фермы, раз их конкуренты столь слабы. Но ясно, что и индивидуальные фермы также сталкиваются с большими проблемами². Из-за данных об относительных ценах из доклада Серовой, Карловой и Петриченко, по-видимому, нельзя пренебречь и гипотезой (а), так как если цены на продукцию были выше цен на ресурсы, то потребуются долгое время для решения проблем сельского хозяйства. Но опять, с момента значительной девальвации рубля в 1998 г. мы видим, что цены на сельскохозяйственную продукцию поднялись относительно цен нерыночных факторов (земли и труда). И хотя экономическая картина улучшилась, это не решило проблем сельского хозяйства также. Я надеюсь, наша дискуссия сегодня и завтра поможет выявить, что происходит, и более важно – указать на получение более твердых ответов на вопросы о ситуации, прогнозе и соответствующей политике для российского сельского хозяйства в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- AMELINA, Maria. “What Turns Kolkhoz Into a Firm? Regional Policies and the Elasticity of the Budget Constraint,” mimeo, World Bank, 2000, 32pp.
- BERKOWITZ, D., D.N. DeJong, and S. Husted. “Quantifying Price Liberalization in Russia,” *Journal of Comparative Economics* 26 (1998): 735-60.
- COASE, R.H. “The Nature of the Firm,” in Putterman 1986, pp. 72-85.
- GARDNER, B.L., and K. Brooks. “Food Prices and Market Liberalization in Russia,” *American Journal of Agricultural Economics* 76 (1994): 641-46.
- GOODWIN, B.K., T.J. Grennes, and C. McCurdy. “Spatial Price Dynamics and Integration in Russian Food Markets,” (1999).
- GRILICHES, Zvi. 1963. “The Sources of Measured Productivity Growth: U.S. Agriculture, 1940-1960.” *Journal of Political Economy* 71: 331-346.
- KLEIN, B., R. Crawford, and A. Alchian. “Vertical Integration, Appropriable Rents, and the Competitive Contracting Process,” in Putterman 1986, pp. 230-49.
- LEATHERS, H. “Allocable Fixed Inputs as a Cause of Joint Production,” *American Journal of Agricultural Economics*, (1991): 1083-90.
- OGLOBIN, Constantin. “The Gender Earnings Differential in the Russian Transition Economy,” *Industrial and Labor Relations Review* 52 (July 1999): 602-27.
- PRAUST, R.E. “Family Farms and Shadow Economy of the Russian Agrarian Sector,” in *Golitsino Workshop Proceedings*, Agrifood Economy Analytical Centre, Institute for Economy in Transition, Moscow, 1999.
- PUTTERMAN, L. *The Economic Nature of the Firm*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- RYLKO, D. “Operators Farming in Russia,” IMEMI, Moscow, mimeo, 1999.
- SEDIK, David, Trueblood, Michael, and Arnade, Carlos. “Corporate Farm Performance in Russia, 1991-1995: An Efficiency Analysis.” *Journal of Comparative Economics*, 27, 3:514-533, Sept. 1999.
- SEROVA, E.V. “The Impact of Privatization and Farm Restructuring on Russian Agriculture,” in *Golitsino Workshop Proceedings*, Agrifood Economy Analytical Centre, Institute for Economy in Transition, Moscow, 1999. . “Russia: The State of the Art in Agri-food Sector in 1999,” mimeo, 2000.

---

² В связи с частными фермами и даже более с ЛПХ возникает проблема экономии на масштабе. Один путь пролить свет на эту проблему может быть через данные по предприятиям, использованные Узуном при сравнении групп предприятий и «клуба» лучших производителей. Например, клуб «Агро-300» составляет 1,1 % всех хозяйств и занимает существенно большую долю по реализации, занятости, фондам. Это из-за технической экономии на масштабе или из-за лучшего менеджмента в этих хозяйствах, что позволяет сохранять и привлекать фонды?

TARASOV, A.N. "Economic Behavior and Efficiency of Household Farms in Transitional Economy," in *Golitsino Workshop Proceedings*, Agrifood Economy Analytical Centre, Institute for Economy in Transition, Moscow, 1999.

UZUN, V. Yu., Privatization of Land and Farm Restructuring: Ideas, Mechanisms, Results, Problems," in *Golitsino Workshop Proceedings*, Agrifood Economy Analytical Centre, Institute for Economy in Transition, Moscow, 1999.

WORLD BANK. *Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR: An Agenda for the Transition*, Studies of Economies in Transition, Paper No. 1, Washington, D.C., Sept. 1992 (a).

WORLD BANK. *Background Working Papers* for World Bank 1992(a), Volumes 1-4, December 1992 (b).

Комментарий к докладу Б. Гарднера

У. Лиферт

В своем докладе Брюс Гарднер представляет продуманную аналитическую методику исследования в рамках нашего проекта рынков факторов сельскохозяйственного производства в России. У меня нет серьезных замечаний по его содержанию. Вместо комментариев непосредственно к докладу, я хотел бы поделиться своими собственными соображениями относительно того, на чем следует сфокусировать внимание при реализации проекта. Мои идеи в большой мере согласуются с идеями Брюса, и здесь я постараюсь максимально их интегрировать.

Я полагаю, что наше исследование рынков факторов сельскохозяйственного производства в России, также как и исследование российского сельского хозяйства в переходный период в целом, можно разбить на две основные части. Первая - это изменение товарной структуры производства и структуры ресурсопотребления, вторая - институциональное преобразование. Я кратко остановлюсь на сути этих двух составляющих реформы в сельском хозяйстве, а затем предложу подходы к анализу и пути интегрирования нашей работы по каждой из них.

Преобразование товарной структуры производства и ресурсопотребления означает изменение объема и номенклатуры производимой, потребляемой и продаваемой сельскохозяйственной продукции, а также объема и номенклатуры используемых ресурсов. В российском сельском хозяйстве оно было обусловлено проведением экономической реформы. Реструктуризация проявилась, главным образом, в падении производства продукции и применения промежуточных ресурсов. В 1997-1999 гг. среднегодовой объем производства в сельском хозяйстве в целом сократился на 40% (по сравнению с уровнем 1986-1990 гг.), в животноводстве - на 48%. Также заметно снизилось применение промежуточных ресурсов, таких как ГСМ, удобрения, пестициды и животные корма.

Основной причиной столь сильного воздействия реформы на товарную и ресурсную структуру российского сельского хозяйства является переход от планового определения объема и номенклатуры производимой и потребляемой продукции к их формированию в зависимости от потребительских предпочтений. В связи с реструктуризацией встает вопрос, *какие* товары производятся в экономике и *какие* для этого используются ресурсы. Основной импульс данному процессу придали либерализация цен и торговли. Эти меры существенно повлияли на цены и доходы - два ключевых фактора, на которых основываются решения производителей и потребителей производить, покупать и продавать продукцию и ресурсы. Изменение их уровня, в свою очередь, обусловило существенные сдвиги в производстве, потреблении и реализации сельскохозяйственной продукции. Возможно, наибольшую роль сыграл заметный рост цен на средства производства относительно цен на продукцию сельского хозяйства (что Брюс отмечает в своем докладе), с 1990 по 1997 г. ухудшивший условия торговли (соотношение цен на ресурсы и выращиваемую продукцию) для российских сельхозпроизводителей почти на 80%. Сокращение применения ресурсов из-за их реального удорожания явилось основной причиной падения сельскохозяйственного производства.

Ключевое значение имеет то, что товарная/ресурсная реструктуризация в ходе реформы может происходить без какого-либо преобразования природы или системы

производства, то есть в пределах имеющихся в экономике производственных возможностей. Теоретически, она предполагает перемещение вдоль их границы.

Второй основной составляющей реформы в сельском хозяйстве является институциональное преобразование. Оно включает в себя такие элементы, как земельная реформа, приватизация, становление новых типов сельскохозяйственных производителей, укрепление связей сельского хозяйства с отраслями I и III сфер АПК, создание содействующей развитию сектора институциональной инфраструктуры, в том числе систем рыночной информации и коммерческого права. Институциональное преобразование, особенно на уровне хозяйств, воздействует на то, *как* производится продукция. Оно способно повысить производительность сельского хозяйства, в частности увеличить выход продукции на единицу ресурсов. Это улучшило бы производственную функцию для сектора, расширив границы производственных возможностей.

Разграничение, которое я провожу между товарной/ресурсной реструктуризацией и институциональной реформой, согласуется с соображениями, высказанными в докладе Брюса. В его начале автор перечисляет ряд ключевых препятствий росту в сельском хозяйстве по мнению (или согласно гипотезам) экспертов. Первое из них - низкие цены на продукцию относительно цен на ресурсы, на что больше всего жалуются российские сельхозпроизводители. Эту проблему можно решить в рамках товарной/ресурсной реструктуризации, поскольку последняя предполагает установление приемлемых цен на ресурсы относительно цен на сельхозпродукцию, при том, что цены являются единственным наиболее значимым фактором формирования структуры производства и ресурсопотребления. Второе общее препятствие, выделяемое Брюсом, - незавершенность экономической реформы. Перечисляемые в докладе меры, необходимые для его преодоления, такие как земельная реформа, частная собственность и преобразование бывших колхозов и совхозов, относятся к категории институциональных.

Сущность товарной/ресурсной реструктуризации и институциональных преобразований и различия между ними определяют характер вопросов, которые мы ставим, и аналитические подходы, которые мы используем в исследовании в рамках нашего проекта этих двух составляющих реформы. Поскольку товарная/ресурсная реструктуризация в ходе реформы (в моем понимании) предполагает принятие решений о выпуске продукции и использовании ресурсов *в пределах имеющихся в экономике производственных возможностей*, следует поставить вопрос о наилучшем, или оптимальном, способе использования наличных ресурсов с учетом ограничений, налагаемых имеющимися технологиями и институциональной системой. Экономическая теория определяет оптимальное экономическое поведение как преследование определенной хозяйственной цели, обычно максимизации или минимизации какого-либо показателя. К примеру, объем выпуска предприятия является оптимальным, когда прибыль максимизируется путем производства продукции, предельные поступления от продажи которой равны предельной себестоимости. Объем и номенклатура внешней торговли страны оптимальны с точки зрения сравнительных преимуществ, когда поступления от нее максимизируются путем производства и торговли такими товарами, соотношение внутренних цен (обязанных отражать издержки производства) на любые два из которых равно соотношению цен, по которым эти товары реализуются.

Я формулирую соображение, содержащееся в докладе Брюса в не столь явной форме, - наша работа по проекту должна преимущественно фокусироваться на оценке степени соответствия применения ресурсов в российском сельском хозяйстве экономически обоснованному, или оптимальному, поведению, как оно определяется экономической теорией. Такой подход требует выяснения главной экономической цели хозяйств при принятии ими решений. Чаще всего считается, что производители стремятся максимизировать свою прибыль. Можно однако, утверждать, что у производителей, особенно в российском сельском хозяйстве в переходный период, есть и другие цели.

Например, основной целью хозяйства может быть сохранение существующего уровня занятости. Однако даже если предполагаемая цель производителей (скажем, максимизация прибыли) в российском агропродовольственном секторе и не является доминирующей, анализ рациональности их хозяйствования позволит оценить экономическую результативность принимаемых решений исходя из устоявшихся экономических критериев, а также проанализировать и взвесить другие альтернативы (в случае преследования отличных от вышеназванной экономических целей).

В своем докладе Брюс правильно определяет основной момент, на котором мы должны сосредоточиться при оценке экономической рациональности поведения сельхозпроизводителей в отношении использования ресурсов: применяют ли их производители в таком объеме, когда цена, уплачиваемая за ресурс, равна стоимости его предельного продукта. Если это условие выполняется, производитель применяет ресурс в объеме, позволяющем максимизировать прибыль.

Цель такого эмпирического исследования в рамках нашего проекта - установить, существует ли в применении сельскохозяйственных средств производства проблема объема и структуры, а именно существенного отклонения от их "оптимального" уровня, а также выяснить серьезность данной проблемы (неоптимальности). Ее решение требует дальнейшей реструктуризации ресурсопотребления, которая, в свою очередь, может повлечь за собой определенное изменение структуры сельскохозяйственной продукции.

Если путем эмпирического анализа будет установлено, что уровень применения ресурса ниже оптимального (или что не выполняется какое-либо другое условие экономической эффективности), то следующим шагом должно стать выяснение лежащих в основе этого причин. В данном случае уместно было бы рекомендовать меры, направленные на преодоление неэффективности. Предположим, выясняется, что в определенном регионе "реальная заработная плата", выплачиваемая работникам бывших колхозов и совхозов, выше стоимости предельного продукта труда, и было бы экономически обоснованно сократить число занятых. Государственная политика, сдерживающая мобильность рабочей силы, в данном случае была бы вредна и содействовала бы закреплению неэффективности. Очевидно, здесь нужно рекомендовать устранение препятствий миграции. К примеру, некоторые города, такие как Москва, вводят особые требования прописки, существенно затрудняющие иммиграцию.

Однако во многих случаях решение проблемы требует не только отмены определенного правительственного постановления или практики, но и проведения серьезных институциональных преобразований. Предположим опять, что эмпирические данные свидетельствуют о превышении реальной заработной платой работников бывших колхозов и совхозов размера предельного продукта труда. Поскольку хозяйства продолжают предоставлять социальные услуги, такие как здравоохранение, образование, жилье и досуг, своим работникам, возможно, именно расходы на них являются предельными затратами, поднимающими реальную зарплату выше уровня предельного продукта труда. (В своем докладе на конференции В.Узун приводит данные обследования, свидетельствующие, что предоставление социальных услуг повышает совокупные расходы хозяйств на 10-30%). Если бы региональные или местные администрации взяли на себя оказание таких услуг, размер реальных отчислений хозяйств своим работникам сократился бы. Соответственно, максимизация прибыли была бы возможна при большем числе занятых. Однако такие перемены требуют преобразования институциональной природы хозяйств.

Исследования в рамках нашего проекта двух основных составляющих реформы в сельском хозяйстве (товарной/ресурсной реструктуризации и институциональной реформы) взаимосвязаны. Эмпирический анализ экономической рациональности (или оптимальности) использования сельскохозяйственных ресурсов позволяет выявить наличие серьезных проблем в их распределении, в то время как анализ

институциональных аспектов помогает установить причины и пути устранения дисбаланса в использовании ресурсов. То есть системная реструктуризация может быть средством достижения более оптимальной структуры ресурсопотребления.

Институциональная реформа, между тем, потенциально способна не только улучшить существующую структуру ресурсопотребления в рамках имеющихся производственных возможностей, но и повысить продуктивность ресурсов и тем самым расширить производственные возможности. Брюс отмечает это в начале своего доклада: по его мнению, рост не только в сельском хозяйстве, но и в российской экономике в целом должен опираться на увеличение выпуска продукции в расчете на душу населения. Хотя сельское хозяйство России имеет огромный потенциал для роста производительности, достигнутые на данный момент результаты весьма скромны. В своей работе Лерман и соавторы (2001 г.) отмечают, что с 1992 по 1997 г. совокупная производительность факторов производства в российском сельском хозяйстве возросла всего на 7% (в целом, а не ежегодно)³. Поэтому основной акцент в нашем проекте должен быть сделан на определении институциональных преобразований (на уровне хозяйств, в отраслях I и III сфер АПК, а, возможно, также и вне агропродовольственного сектора), способствующих росту производительности. Новые вертикально интегрированные сельскохозяйственные производители (или "операторы"), которым посвящен доклад Дмитрия Рылько, могут служить примером эффективного институционального преобразования в сельском хозяйстве, приводящего к росту производительности. Этот рост позволил бы преодолеть разрыв между современным положением российского аграрного сектора и его потенциалом.

---

³ Zvi Lerman, Yoav Kislev, Alon Kriss and David Biton, "Agricultural Output and Productivity in the Former Soviet Republics". Представлена на собрании Американской ассоциации аграрных экономистов 5-8 августа 2001 г. в Чикаго.